

18+

Эдуард Смагин

ЧУДСКИЕ КАНИКУЛЫ

Эдуард Смагин
Чудские каникулы

«Издательские решения»

Смагин Э.

Чудские каникулы / Э. Смагин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511384-9

Приключенческий роман объединяет события исхода Северо-Западной армии (СЗА) Юденича столетней давности и современные приключения компании молодых ребят на одном маленьком хуторе вблизи Чудского озера. В романе присутствуют как элементы юмора и эротики, так и детективная и историческая составляющие.

ISBN 978-5-00-511384-9

© Смагин Э.
© Издательские решения

Содержание

Эдуард Смагин	6
От автора	7
– 1-	8
Сборы	9
– 2-	12
Н.Н.	13
– 3-	18
Хутор	19
– 4-	22
Рыбалка	23
– 5-	25
Безмятежная мирная жизнь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чудские каникулы

Эдуард Смагин

© Эдуард Смагин, 2025

ISBN 978-5-0051-1384-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эдуард Смагин Чудские каникулы

От автора

Дорогой читатель, нижеизложенный роман в художественной форме повествует о переплетении жизненных и исторических событий, которые в той или иной степени могли быть связаны с каждым из нас. Ты познакомишься с несколькими весёлыми и трагичными, романтическими и прозаичными эпизодами жизни героев, которые произошли на одном маленьком хуторе вблизи Чудского озера. Возможно, события, описанные мною, изменят твой взгляд на некоторые вещи, ранее скрытые от всеобщего внимания в нашем с тобой обществе. Житейское повествование призвано скрасить досуг в дороге или занять тебя его прочтением приятным вечером в домашней обстановке, а выполненные мною рисунки приблизят твоё воображение к описываемым событиям.

- 1 -

Сборы

Широченное, во весь горизонт небо наполняло и без того синие глаза Макса таким ярко-голубым светом, что он невольно заморгал. Было раннее июльское утро. Градусник за окном уже почти дотянулся до отметки двадцать, и день обещал побаловать приятным зноем. Вся живность и растительность за окном радовались короткому балтийскому лету с его тихими розовыми вечерами и временами гулкими, раскатистыми грозами. Жадно наслаждалась природа теплом и всеми возможными путями показывала себя и свои эмоции. Букашки создавали непрерывный шум неутомимой работы над всевозможными цветами и травами. Сами же растения конкурировали друг с другом в буйстве роста, яркости лепестков соцветий и стремлении приблизиться к светилу. Птицы неутомимо сустились в поисках корма для своего подрастающего потомства. Кусты и деревья новыми светло-зелеными побегами совершенно изменили привычный пейзаж. Городские кошки важно жмурились, растянувшись в лучах летнего солнца. Они умудрялись нежиться во всех мало-мальски подходящих для беззаботного отдыха местах. Вся эта прелестная активность безмерно радовала глаз горожанина. А уж что творилось за городом, этим можно было любоваться часами. Художники ловят это время для зарисовок, а поэты слагают ему стихи. Млея, как кот, от ароматного кофе в руках, Макс стоял на балконе. Он наслаждался высоким полетом стрижей над домами. Засмотревшись ввысь, он невольно расплылся в сладкой улыбке: неплохое утро для начала отпуска. Лето – это ведь маленькая жизнь, и хорошо бы провести его так, чтобы яркие впечатления надолго отложились в памяти. А может, при случае, нашлось бы, о чем рассказать потом в теплой компании. С одной мыслью, поскорее бы добраться до моря, он побрел было собираться. Мельком бросил взгляд на свою припаркованную внизу машину – ооо, только не это – спущенное колесо «мерина» согнало улыбку с лица Макса.

– Черт, надо же было этому случиться именно сейчас, неделю назад ведь отдал запаску Алексу в поездку. Он там сейчас с семьей на Чудском режет арбуз и полощется в теплом озере, а я теперь буду сидеть дома? Ну уж нет, где мой телефон...

– Алло, Алекс, привет, у меня тут...

– Привет, Макс, как ты? – перебил друга Алекс. – Мы вчера вернулись домой за лодкой, старая совсем прохудилась.

– Отлично, я бы не обиделся, если бы ты заехал за мной, места хватит?

Через сорок минут минивэн Алекса, нагруженный до краев вещами, с резиновой лодкой на крыше, тархтел под окнами своим дизелем. Высокого роста и спортивного телосложения, сам он, небрежно, по-летнему одетый в пляжное, развалился в удобном водительском кресле. Спортивная сумка Макса легко поместилась на соседнем сидении.

– А где супруга, дети? Ты ведь сказал – мы вернулись.

– Они остались на Чудском, мы приехали за вещами с Фериком, привет!

Только сейчас Макс заметил, что йоркширский терьер Ферри уже сидел на его сумке и приветливо облизывал край пакета с продуктами, который нагло высовывался из её полустегнутой молнии. Не пес, а сказка. Имя холеного, воспитанного и любимого всеми Йорка полностью звучало как Фернандо Ферри Тэйл, что попросту Ферри – Сказка. Сказкой он и был для своих домочадцев.

– Привет, Ферри, ты тоже рыбачить?

– Слушай, Макс, мне тут вчера Фил позвонил, сто лет его уже не слышал, нашел мой номер где-то в Интернете. Рвет и мечет, но как узнал, что мы на Чудском, хочет с нами, не виделись, говорит, со школы, отпуск...

– Да я только за, парень он веселый, только у тебя же там семья, как назад поедем, места в машине ведь на всех не хватит, на общественном транспорте?

– В общем-то, я там домик на всё лето снял, а мы, я надеюсь, раньше управимся, да и не на другую ведь планету едем.

– Раз так, останови у киоска, я пивка холодненького на дорожку куплю.

Фил уже переминался с ноги на ногу на обочине дороги, когда ребята подъехали к его дому. Огромный рюкзак с удочками едва не скрывал его тощее тело. Ребята дружили с детства и давно забыли, когда дали друг другу свои короткие имена. Теперь по-другому уже их никто и не называл.

– Ничего себе вещей набрал, точно соскучился, поместится ли такая громадина в багажник? – проворчал Алекс.

– Здорово, мужики, я так рад вас видеть!

– Да садись уже, а то Ферри выпрыгнет!

Фил юркнул внутрь машины, и наделенная переизбытком темперамента и желаний компания отпускников отправилась наконец в путешествие на восток к теплым и ласковым водам Пейпси, как его называют эстонцы, или по-нашему Чудского озера.

Под холодное свежее пиво дорога побежала быстрее, чем можно было ожидать. Дымка над раскаленным асфальтом и частые участки ремонта дороги уже совсем не раздражали. Друзья смеялись над новыми анекдотами и байками Фила, которые тот рассказывал не прерываясь. Легко пролетела половина пути, ремонты наконец закончились, и пошла ровная дорога. Но как только стало возможно хоть немного разогнаться, вдруг, как из-под земли, а именно там, по мнению некоторых они и обитают, вырос полицейский с жезлом. «Кажется, все было слишком хорошо, перехвалили удачно начавшийся день,» – промелькнуло в голове Макса.

– Алекс, ты скорость что ли превысил?

– Да не так чтобы уж сильно, просто дорога пустынная, кого-то же нужно останавливать, эх, черт дёрнул с вами пива выпить.

Прямо под рукой Фила в подлокотнике заднего сидения оказались аптечка, фурацилин, бинты... Жена Алекса на всякий случай держала такие вещи в порядке и всегда под рукой. Он быстро среагировал:

– Алекс, давай проедем дальше инспектора метров на двадцать, тридцать, пусть ноги разомнет, а мы успеем.

Пузатый страж порядка вразвалочку подошел к машине. Неторопливые, даже ленивые движения его всем показывали, что в полной амуниции ему было явно жарко, и его это раздражало. Когда в ответ на приветствие дорожного полицейского слегка затемненное стекло водительской двери опустилось, оттуда высунулась участливая морда Ферри и задорно затыкала. В следующий момент появилась перебинтованная голова Алекса с огромным фурацилиновым компрессом на щеке. Все возможные документы он протягивал в руке, одновременно что-то мыча. Документы были в порядке: техосмотр, права, страховка. Инспектор, без сомнения, был в шоке. Он оценивающе рассматривал пугало, которое торчало из окна остановленной им машины, и пытался сообразить, куда здесь можно засунуть «дыхательную трубочку» алкометра.

– Доброго пути, – наконец процедил он, щурясь от солнца, отдал бумаги водителю и хмуρο зашагал назад к своему кормильцу радару.

С пару минут ехали молча, потом ржали до слез, как кони, рассматривая вспотевшего и раскрасневшегося Алекса. Кстати, разматывать бинты оказалось гораздо сложнее и дольше, чем накладывать их. Без сомнения, эпитетам того, как они «сделали» расстроившего их полицейского, не было границ. Кто-то вспомнил, как в подобной ситуации разыгрывал сердечный приступ, кому-то случалось изображать сильные колики у беременной подруги, а кто-то рассказывал про спешку на пожар или самолет.

Съехав с шоссе, гораздо медленнее направились на юго-восток по второстепенной, не лучшего качества, дороге. Некоторые участки приходилось ехать уже по грунтовке, и клубы пыли тогда полностью скрывали пройденный позади путь. Худо-бедно наконец добрались до небольшого поселка на берегу Чудского озера, где в уютном и довольно просторном домике расположилась семья Алекса. Природа здесь была сказочная. Огромное, без видимых дальних берегов, озеро обрамлял невиданной красоты ландшафт. Как говорят в рекламных проспектах, отвечающий вкусу любого искушенного путешественника. Песчаные кусочки пляжей для любителей позагорать и искупаться. Обилие разной рыбы – настоящий рай для рыболовов. Грибы и ягоды в самом широком ассортименте для любителей погулять по лесу и сделать заготовки. По обилию зверья и птицы в лесах Причудья эти места также могли посоревноваться с самыми изобилующими уголками мира. И тем не менее, это ведь относительно далекая, по эстонским меркам, приграничная провинция.

Несмотря на относительную близость других строений поселка, домик, где остановилась семья Алекса, можно было скорее назвать хутором. Это было светлое, полностью деревянное, крепкое и ухоженное одноэтажное, с чердаком под высокой двускатной крышей здание. Окна были заботливо украшены яркими цветами в горшках, что придавало вид законченной картинке в стиле полотен Клода Моне. Постройка стояла отдельно, и её не окружал забор, хотя подворье было обжито. С разных сторон находились подсобки и летняя кухня с местом для костра. Чуть в сторонке сушилось белье на веревке, а со стороны летней кухни зазывно стелился ароматный дымок готовящейся еды. Как только припарковались, Ферри первым, как пуля, вылетел из открытой двери машины и помчался по-хозяйски проверять уже успевшие стать своими угоды дачной территории. Ребята, потягиваясь и щурясь яркому солнцу, не спеша вылезали вслед: все-таки человеческий организм после нескольких часов дороги требует размять уставшие косточки. Как же особенно приятно им было это делать теперь, в столь уютном месте и в предвкушении долгожданного отпуска. Обнаружилось, что дверь в дом была закрыта, но разбросанные велосипед, игрушки и посуда говорили о том, что хозяева где-то рядом.

- 2 -

Н.Н.

Всё то же высокое и глубокое небо пленило своей бездонной синевой. Июль. Это, пожалуй, безо всяких сомнений, именно та часть года, которую даже в Прибалтике можно назвать настоящим летом. Этот год также не стал исключением. Воздух был пропитан приятным, казалось, совершенно осязаемым, сладковатым ароматом тепла. Буйство сочных красок окружало, куда бы ни бросил взгляд. Купаясь в небесном океане, задорно попискивая, неутомимо носились ласточки. Их пересвист далеко был слышен в знойной тишине провинциального простора. Взгляд из окна напоминал всё те же домашние и невероятно спокойные пейзажи Моне. Сложно было абстрагироваться от этого райского бытия и окунуться в реалии и тяжести постоянно меняющейся киноленты жизни, которая требовала от людей, вовлеченных в водоворот описываемых далее событий, постоянных усилий и невероятного, прежде всего, морального напряжения. Почти век спустя мирная компания друзей отправится за приключениями всё в те же самые места Причудья, но июльский вид из окна ничуть не изменится.

А на дворе нынче стоял 1919 год. Уже несколько лет как последствия бессмысленной, бессовестной и беспощадной Первой Мировой терзали в своих жерновах миллионы ни в чём не повинных людей, которым как будто было всё мало. Огрубевшие, одержимые какой-то немой мстью и идеей совершенства своей мысли, они жили ожиданием победы. Каждый из них своей собственной. Совершенно бесспорные аргументы и объяснения своей правоты находились у всех абсолютно сторон конфликта и они, без зазрения совести, шагали по трупам для достижения предельно гуманных целей и светлого будущего. Ехидна-судьба распорядилась так, что действительно честные, умные и искренне любящие своё отечество лучшие сыны её стирали все преграды, чтобы достичь единственной и неповторимой правды. Без этого не то что бы собственная жизнь, а само существование мира, казалось, теряло всякий смысл. В такой всеобщей суете особенно странно смотрелись статичные, как будто застывшие, сюжеты.

В одном из них невысокий, крепко сложенный, немолодой уже человек, с большими седоватыми пышными усами и уставшими, но добрыми глазами, стоял у открытого окна небольшого кабинета и сквозь пенсне наслаждался замечательным видом сельского пейзажа. Кроме мешковато сидящего на нём генеральского мундира с орденом Святого Георгия второй степени в петлице, ничто не выдавало в этом спокойном, молчаливом господине крупного военного начальника.

Это было светлое, уютное помещение деревенского дома с длинным столом, заваленным деловыми бумагами и картами. Совсем недавно далеко отсюда на Кавказе он руководил огромными массами вверенных ему людей. Руководил талантливо, успешно, умело. Но в награду получил отставку и забвение. Империя переживала агонию, и он как далеко не последний её сын, отслуживший ей верой и правдой всю свою жизнь, вполне мог отстраниться и отправиться на покой в какой-нибудь Прованс. Так тогда и поступали многие, более прозорливые его соотечественники. Но честь и совесть вновь вбросила грозу османов, бывшего героя Сарыкамыша и Эрзерума в водоворот событий, снова заставила поставить на карту не только свою жизнь и свободу, но и судьбы своих близких и ещё как минимум нескольких десятков тысяч людей, которые верили теперь ему и только ему. Об отдыхе он и помышлять не мог, но минутка ожидания у окна могла дать возможность отвлечься, забыться и вспомнить, возможно, далёкое детство. Пару минут спокойствия длились, казалось, час или больше, так много вспомнилось и пробежало перед глазами. Наконец в дверь тихонько постучали:

– Николай Николаевич, разрешите?

В помещение зашли трое: двое штатских с портфелями, серьезного вида господа, и один в форме морского офицера – адмирал Пилкин, близкий друг и соратник Николая Николаевича Юденича, о котором шла речь выше. Через короткое время комната погрузилась в клубы табачного дыма. Разговор был серьезный и напряженный. Ведь для того чтобы юридически обоснованно руководить замышляемым процессом, необходимо было заручиться необходимыми полномочиями. Сложность заключалась в том, что агония разваливающегося государства оставляла многие вопросы открытыми. Ведь его мандат на управление армией в ситуации того времени должны были подтвердить представители как государств Антанты, так и собственные выборные государственные структуры. Формально от этого зависела легитимность главнокомандующего и в конечном итоге политическая и материальная поддержка его армии. Царя уже не было, а против одержавших в одночасье политическую победу в стране Советов выступал целый конгломерат представителей более или менее представительных партий или групп общества. Предстояло не только сформировать реальную силу и план действий по восстановлению законной власти в стране, но и показать себя умелым делопроизводителем, которому смогут доверить и поверить политическая и деловая элита мирового сообщества и основные силы Российской контрреволюции.

Только что возглавивший Северный корпус теперь уже, так называемой, Белой гвардии, Юденич пытался выстроить стратегический план по возвращению государственной власти, где государственной – от слова государь, и территориальной целостности Российской Империи с территориями её же Эстляндской и Финляндской губерний. Судьба отрёкшегося царя была неизвестна. Позже всплыл факт его зверского убийства большевиками. Политическая ситуация могла переломиться в одночасье, если бы власть в столице вновь удалось взять в свои руки. Молниеносный слаженный бросок до близко расположенного Петрограда одновременно с севера – из Финляндской Карелии и с запада – из Причудья казался осуществимой задачей. Основой боевой и людской массы послужил Северный корпус генерала Родзянко, который совсем недавно ещё активно выбивал красных из северной Прибалтики вместе со свежесформированными эстонскими армейскими частями. А ведь взятие Ревеля в 1918 году красными представлялось делом нескольких недель. Тапа и Раквере ими были заняты с ходу, и дорога к столице была открыта. Именно тогда опытные и закалённые в боях Первой Миро-

вой отряды Российской императорской армии рука об руку с эстонскими союзниками стремительно и решительно отбросили товарищей большевиков за реку Нарову, оставив местное население наслаждаться долгожданной мирной жизнью. Эстония тогда была маленьким уголком необъятной империи, основная часть которой находилась в беде, и казалось, всё ещё можно было вернуть обратно. Именно такую задачу и предстояло решить этому немногословному угловатому человеку, коим являлся Н.Н.Юденич. Такого масштаба дееспособных военных руководителей на тот момент у России нашлось трое. Южный фронт, в основном с территории Крыма, организовал генерал Деникин, а впоследствии гораздо более умело им руководил барон Врангель. Восток, Сибирь и Зауралье – главный правитель и руководитель всех сил сопротивления – адмирал Колчак. Последний стал также хранителем золотого запаса банка России, а потому и главным кошельком, если позволительно так сказать, объединяющим все формирования сопротивления. С северо-запада такая участь пала на плечи Юденича. Основной проблемой была необходимость собрать и поднять солдат на новую войну. От одного этого слова люди тогда разбежались в ужасе. Тылы таяли на глазах, так как воевать народ устал за пять лет до боли в зубах, и пополнять ряды своих отрядов удавалось в основном только за счёт возвращающихся из западного плена или госпиталей ветеранов германского фронта. В силу идейности ряды расширяющейся, теперь уже Северо-Западной армии до половины личного состава были представлены офицерством. Нужно было жить и находиться там и тогда, чтобы отчетливее понять, какое ужасное время смотрело в глаза всем этим людям. Им бы на покой, быт и семьи поднимать да детей растить, но в их стране их не ждали. Вместо мира им предстояло снова браться за оружие и наводить порядок теперь уже на родине. Пока отцов и мужей дома не было, в их государстве черт знает что произошло, и кроме них некому было с этим разбираться. Они находились не в другом государстве, а в соседней комнате одной квартиры, в которой пылал пожар революции.

Задача с одним корпусом восстановить власть в стране такой величины, как Россия, даже если бы согласованно действовать со всех трёх направлений, представлялась, в общем-то, любому здравомыслящему человеку самоубийством. Но была идея и была вера в провидение, в свои силы, в союзников и сочувствующих. Наконец, понятие чести не давало просто сидеть и смотреть на происходящее вокруг. И всё-таки разговоры, бесконечные переговоры о поддержке с западными странами, финнами, организационные и финансовые потуги, которые должны были обеспечить саму гипотетическую возможность осуществления стратегического плана восстановления конституционного строя – вот чем новоиспечённый главнокомандующий занимался в последнее время практически круглосуточно. Лично хорошо знакомый с финским военным руководителем, бывшим российским офицером Карлом Густавом Маннергеймом, он много времени проводил в Финляндии, и многое тогда укрепляло его веру в успех. Покровительство союзной для России Антанты, договоренности с финскими и эстонскими подразделениями представлялись реальной силой для быстрых и слаженных действий. Он хотел мира и справедливости, и потому в почти мирное уже время готовил войну. Невероятно ужасно звучит, но именно так данная ситуация и укладывалась в голове Николая Николаевича. Никто тогда не осознавал, какой масштаб набрало большевистское движение по всей России. Хотелось верить, что очередная молниеносная смена власти в столице сможет кардинально всё изменить. Иллюзия веры в помощь вчерашних союзников и друзей опьяняла и убеждала в абсолютной реальности столь желанной победы. Всеобщий разлад в вертикали власти казался временным явлением. Сколько же разочарований было у них всех впереди.

Мы наблюдали развал не первой империи в истории человечества. И каждый раз со времен мексиканских Майя, Византийской и Римской империй и других, не менее незыблемых столпов, это случалось неожиданно для населения, с огромными жертвами и разбитыми человеческими судьбами. Отважные и лучшие сыны их клали на алтарь войны свои жизни ради сохранения былого величия, но, увы, всегда было уже поздно.

В шторм не расставляют буйки для спасения утопающих. При инфаркте поздно заниматься оздоровительными процедурами и следить за режимом и диетой, спасает только экстренная реанимация, да и то в редких случаях. А ведь история очередной раз повторилась, нужно было всего лишь учить её уроки.

Веками в новейшей истории англосаксы, якобы тайно правящие миром, вели абсолютно последовательную политику с единственным лозунгом «разделяй и противопоставляй». На территориях, которые требовалось сделать подконтрольными, необходимо было лишь столкнуть разные слои или кланы общества между собой и всё. Дальше, умело направляя то одних, то других, можно было безнаказанно манипулировать подопытным населением. Суть задачи была в том, что такое общество никогда не сможет консолидировать свои силы против самих англосаксов. Да, в общем, теперь это уже особенно никто и не скрывает, очень удобно вести территориальные войны руками одурманенных и натравленных друг на друга соседей. При желании сфальсифицировать повод для конфликта не представляется сложной задачей. Новейшая история подтвердила это не раз.

Именно так произошло в очередной раз и в нашем случае. Как новоиспеченные эстонские элиты, так и большевики в России были чистой воды порождением новой англосаксонской доктрины, плодом одного и того же создателя. Но для себя самих они являлись непримиримыми, классовыми, а если бы не атеистичность большевистской идеологии, то ещё и религиозными врагами. Несмотря на это, под умелым руководством извне именно они первыми договорились между собой. Ведь первая Эстонская Республика официально начала свое существование, именно добившись признания большевиков, которые предоставили ей подписанием документа о суверенитете восточную границу. Сто лет назад, как и сейчас, в развале Российского государства были заинтересованы, прежде всего, наши заклятые германо-англо-саксонские друзья. У Германии на тот момент главным было желание облегчить своё тяжелое положение на двух фронтах тем, чтобы каким угодно способом вывести Россию из Первой Мировой войны, в которой она являлась потенциальным победителем, находясь в военном союзе с Великобританией, Францией и США. Ну, а у этих союзников главной задачей являлось вообще ликвидировать как Россию, так и Германию как возможных соперников при последующем разделе мирового пирога. Причём неважно, какими способами, дать ли им максимально друг друга уничтожить на полях сражений или разложить изнутри структуры власти, поддерживая различные антигосударственные и антиправительственные течения. Эта деятельность привела к победе Ленина и компании, субсидируемых деньгами спецслужб государств, находившихся в открыто враждебных отношениях к России. То есть за вполне реальное вознаграждение для дела революции и себя лично, большевики вступили в сговор с немцами против своей родины России, в то время как она с этой самой Германией воевала. Организацией Ленина создавались в Европе террористические и пропагандистские школы, проводилась пораженческая пропаганда на фронте, шпионаж в пользу Германии и, наконец, осуществление силового захвата власти в государстве при активной помощи и финансировании прямого врага. В качестве результата Ленин отчитался о выходе страны из войны на позорных условиях и передаче огромных территорий, которые моментально оказались под протекторатом всё той-же англосаксонской коалиции. Кроме того, он умудрился получить резервное финансирование из Соединённых Штатов с помощью своего поделника Троцкого. На все эти деньги вождь мирового пролетариата и осуществил осенью 1917-го торжество коммунистической революции. Правда, как мы знаем, обещанные землю, фабрики и заводы народ от него так и не получил, он не выполнил ничего из своих предвыборных обещаний. Вам ничего это не напоминает?

Великодержавный шовинизм довольно быстро выдернул победивших российских большевиков из-под протектората англосаксов, финансирование ведь прекратилось, но те своей цели всё равно добились. Стратегический кусок был вырван из кожи русского медведя, и этот кусок и в начале двадцать первого века выполняет свою функцию тлеющего конфликта раз-

деленных и противоборствующих сторон. Только вот стороны эти никак не понимают, что, отстаивая свои цвета, они всего-навсего выполняют давно предначертанный план. На Украине противопоставили националистов и регионалов, тайно стимулируя сепаратизм, в самой Британии противопоставили шотландцев, ирландцев и англичан. А ведь там это и родилось. Ещё в начале семнадцатого века Френсис Бэкон обращался к королям Англии со словами: «То, чем управляешь, разделяй». Ведь если они не будут сталкивать между собой других, то весь мир может обернуться против них. Именно в Великобритании Карл Маркс смог превратить в стройную политическую и экономическую систему, вынашиваемую им, идеологию коммунизма. Позже, здесь же, в Лондоне было простимулировано создание РСДРП.

Именно поэтому, надеясь на помощь и поддержку Антанты, Николай Николаевич являл саму наивность. Он лишь хотел изгнать воришку, который забрался в его дом и завладел им, но главного врага, который и написал этот план, он не видел. Антанта если и осуществляла военную интервенцию, то лишь формально, только в тех регионах, где риск столкнуться с Красной армией был минимален. А ангажированная помощь Белым армиям осуществлялась исключительно на платной основе из рук вон плохо. Кстати, из красных впоследствии они так же умело выкачивали деньги и сырьё. А когда контроль над ними ослабился, начали стимулировать ультра национализм в Европе. Зная течение истории наперед, можно сказать, что не безрезультативно, неизменно обогащаясь то за счёт одних, то за счёт других. Мы отчетливо видим, что весь идейный пафос великих войн сводится к банальной и алчной жажде власти и денег. В 1917-ом большевики забрали себе власть в стране с целью собственной корысти, в 1991-ом, повторяя тот же сценарий, у меня и миллионов таких же как я, серьёзные и уважаемые люди забрали сначала всё то, чему мы верили и чем гордились, за что уважали свою страну, а затем планомерно, как по бумажке, уничтожили её структуру. Слава богу, на этот раз обошлось без большой войны. Да уж, браво, но доколе?

В наш век скоростного распространения информации возможность таких банальных манипуляций кажется совсем наивной, но все мы видим, что эта схема прекрасно работает и по сей день. Цель не победа, а противоборство. Сеять хаос – вот истинная задача. Такой уголок искусственно тлеющего противостояния обрели и здесь на нашей границе Запада и Востока.

– 3 –

Хутор

А мы оставим старого вояку со своими мыслями и перенесёмся на сто лет вперед в безмятежную мирную жизнь, на, возможно, всё тот же или такой же соседний с ним хутор, куда только что приехали на постой трое школьных друзей с собакой Сказкой. Дом, хоть и старый, надёжно держал черепичную двускатную крышу на крепких стенах. Довольно большие окна пропускали внутрь много света, а заботливо устроенное убранство из ярких цветов придавало уюту и картинного колорита. Большая печь с камином посреди дома надёжно согревала все его помещения в холодное время года. Здесь было достаточно комнат, чтобы удобно разместить всех наших героев. Латунные ручки оконных и дверных рам, аккуратно выкрашенных белой краской, ярко блестели на солнце. Большинство окон были открыты, дом, как живой, дышал и набирался летним теплом. Лесные пчёлы, божьи коровки и другие насекомые дополняли звуковое сопровождение монотонным жужжанием. До озера было рукой подать, но сквозь густой ельник оно просматривалось с трудом. Широкий двор ограничивался вместительной сарайкой с одной стороны и прекрасно оформленной летней кухней – с другой.

Итак, не найдя никого в домике, отпуски оставили вещи в машине и, не сговариваясь, распадая азарт друг в друге, побежали по направлению искрящейся в лучах солнца воды, видневшейся в узком просвете между часто растущих сосен. Даже хвойные иголки, впивавшиеся по дороге в босые ноги, не оказывали ни малейшего влияния на скорость их передвижения. Скидывая одежду на бегу, пацаны один за другим, как пингвины со льдины, посыпались в озеро, вода была как парное молоко. Охвативший их детский экстаз с криками, воплями и брызгами прекратился только минут через десять, когда на берегу появилась Кэт, жена Алекса. Она что-то кричала, но заливающийся лаем Ферри не давал ни малейшей возможности разобрать слова. Тогда она приветливо помахала рукой и по-хозяйски принялась собирать разбросанную одежду. Только выбравшись на берег, Алекс осек Ферри и подошел к Кэт.

– Здравствуй, дорогой, – Кэт нежно дотронулась губами до мокрой щеки супруга. Подошли поздороваться и ребята, все были давно знакомы и представляться не было нужды.

– Макс, Фил, так приятно вас видеть, всё такие же загорелые крепыши, как в школе. Так, три мушкетера, а теперь давайте-ка бегом собираться, сушиться и мыть руки! Пора обедать и разбирать ваш реквизит. И поторопитесь, дети есть хотят, – скомандовала она, улыбаясь.

– Это мы-то дети? Но есть уже и правда хочется! – изображая обиженного ребенка, пошутит Фил.

– А ну-ка давай, Арамис, а то твой паёк кончится ещё до того, как ты успеешь к столу, – заторопил Алекс.

Разобрав из рук хозяйки свои вещи, купальщики наскоро оделись и отправились по тропинке назад. Возле дома ребят встретила, по-матерински приняла и участливо расположила их по комнатам хутора Мария Викторовна, мама Кэт. Это была милая приветливая женщина, слегка полноватая, немного близорукая, с приятной улыбкой, искренне любящая своих детей и внуков. Её основным и любимым местом пребывания на хуторе была летняя кухня с импровизированной дровяной плитой и большим столом. Она представляла из себя нечто среднее между уютным местом для мангала с небольшой крышей и подобием языческого костра с удобными скамейками вокруг. Убранство её дополнял также самодельный, с чудаковатыми резными элементами, разделочный столик и деревенский рукомойник. Было видно, что сделано всё было руками опытного столяра, довольно давно и с большой любовью и выдумкой. Это было для всех одним из самых притягательных и популярных мест на даче в летнее время.

Наконец подошли и поздоровались со всеми заигравшиеся невдалеке дети, они у Алекса с Кэт были замечательные. Старший Иван, светловолосый, никогда не унывающий пацан с обезоруживающей улыбкой и, как говорят, лапочка-дочка, голубоглазая красавица, блондинка Алиса.

Через полчаса компания уже снимала с углей первые шашлычки, заранее замаринованные заботливыми женскими руками. Еда источала такой невероятный аромат, что слюноотделение принимало устрашающий характер. Только что пожаренное, сочное, молодое мясо с дымком, зеленью и молодой вареной картошечкой, что может быть лучше?

– А кто это додумался помыть руки в тазу? – не со злостью, но возмущенно поинтересовалась Кэт.

– Я ведь для вас же только вчера поставила там солиться огурцы и для веса накрыла их поленом.

– Кэт, солнце, извини, мы не знали, мы так больше не будем, мы думали это уличная ванна... – наперебой затараторили Макс с Филом.

– Мы сейчас всё перемоем в чистой воде и заново поставим. Мы купим тебе новый таз и новые огурцы!

– Да ладно вам, я уже купил, вон в банке, консервированные, – хохоча, выдохнул Алекс.

– Хотя новый таз в хозяйстве, конечно, пригодится. Да, хотя бы, дети зимой будут с горки кататься.

Дети, уже порядком накупавшиеся и набегавшиеся с утра, за обе щеки уплетали с любовью приготовленную бабушкой Машей еду. В любом другом случае они ни за что не упустили бы момента сразу побеситься с новоприбывшими, тем более что и Макс и Фил были совсем не против с ними повозиться. Не говоря уже о Ферри, который свой кусок уже получил, и теперь крутился и повизгивал в ногах у ребят.

Конечно, трапеза на улице всегда отличается в лучшую сторону от застолья в помещении, будь то квартира или ресторан. Это всегда немножко праздник с неспешными разговорами и посиделками, которые могут тянуться до ночи. Здесь всё кажется вкуснее, аппетит накручивает едока на новые подвиги. Вот и наша компания обедала таким образом до самого вечера, шашлыки давно сменили ягодные и грибные блюда. Потом дошли и до сушеной рыбки, кто хотел и имел для этого силы. А это подтолкнуло к тому, что на сытый желудок после еды беседа сама собой зашла о пище, местной рыбе, и соответственно, официальной цели поездки –

рыбалке. Алекс с Ванькой уже не раз ходили здесь поудить и могли давать обстоятельные советы, что и как можно было поймать в озере.

Ближе к вечеру все вместе разгружали машину аккуратно, неспешно. Бережно сняли лодку, распотрошили сумки и разобрали рыболовные снасти. Разложили сначала всё вокруг машины, даже удивительно, как столько объёмных вещей могло поместиться в ней. Глаз охотника, когда видит столько игрушек для себя, моментально рисует в голове своего хозяина грандиозные планы на предстоящую добычу. В общем арсенале было представлено несколько спиннингов, разные удочки, сачки и ещё несколько ящиков и пакетов с различными снастями на любой вкус. Ребята, не сговариваясь, набрали всего, что могло пригодиться на воде. Теперь дело оставалось за малым, с таким солидным оборудованием нельзя было ударить лицом в грязь с уловом. Обстоятельно разложившись на траве здесь же прямо перед домиком, друзья начали подбирать и готовить снаряжение к первой своей совместной за лето рыбалке. Ваня с Алисой, не отступая от них ни на шаг, помогали как могли и по ходу расспрашивали рыбаков о надобности той или иной приспособы. Иван со знанием дела опробовал на заброс пару спиннингов и деловито копался в коробке с яркими мормышками. Он уже не раз бывал с отцом на рыбалке и опытным взглядом профессионала пытался определить предназначение каждой приманки. Наевшийся у стола до отвала, Ферри дремал в тени крыльца дома и не проявлял уже особого интереса ко всем этим занятиям, ему определённо снился невиданный улов.

- 4 -

Рыбалка

Первый день неожиданно и стремительно начавшегося отпуска неспешно клонился к вечеру. Основательно подкрепившись и отдохнув с дороги, ребята решили опробовать новую лодку и удочки. Инстинкт охотника и желание первым поймать добычу подгоняли каждого из друзей поскорее собираться на рыбалку. Истерично переживающего дикое чувство свободы, совершенно квартирного пса Ферри во избежание суеты на борту решено было оставить на берегу. Единогласно. Сидя в тени домика, рыбаки увлечённо раскладывали по местам наживку и снасти. Собравшись, уложили всё приготовленное в рюкзаки, на всякий случай с запасом. Места в лодке оказалось теперь явно недостаточно для всех. Некоторое время было потрачено на уговоры Ваньки остаться дома «за главного». Наконец, не теряя времени, друзья отправились к воде с крепко надутой, создающей впечатление невероятной надежности, резиновой лодкой на руках. Новенькая, японская, она пахла резиной и магазином хозяйственных товаров.

Как только отчалили от песчаного берега, Алекс, чтобы не расстраивать и не мозолить глаза сыну, взял вёсла на себя и бодро погреб за поворот ближайшего мыса. Фил со всеми удочками расположился в носу, а Макс расселся среди пакетов в корме лодки. Отплыв метров триста или четыреста, заметили поплавки чьей-то сети.

– Кажется, недавно поставлена, – заметил Макс. – Может, здесь прикормлено, давайте попробуем поудить?

Алекс выбрал вёсла в лодку и раскидал вокруг неё специально взятую кашу. Одновременно закинули в разные стороны. Пока поплавки ребят мерно покачивались в мелкой ряби волн, Фил с азартом блеснил спиннингом.

– Алекс, ты тут постоянно отдыхаешь, какая тут рыба-то водится?

– Хорошая рыба, разная, – оборвал Алекс, вытаскивая упитанного подлещика. – Смотря, чем и на что ловишь. Я вот думаю, надо бы сетку поставить, семья у нас теперь большая стала,

надо улов домой приносить, а не просто рыбачить. Это я тут раньше с Ванькой на поплавок баловался, а настоящую рыбу нужно сетями брать.

– Да не вопрос, у меня с собой небольшая сеть, в рюкзаке на берегу. Часок половим, можно за ней вернуться, ночи ведь у нас белые, справимся, – нашелся Фил.

– Кстати, о маленькой, может, по маленькой? – очнулся задремавший было Макс. – У меня тоже всё с собой.

Никелированная фляжка, переходя из рук в руки, согревала увлечённых своим занятием парней. Наконец, и у Фила на конце лески затрепетался блестящий плавничок. Неспешная, но азартная работа кипела, и глаза рыбаков горели огнём. Лишь иногда отвлекались на разговоры и комментарии вполголоса. Улов потихоньку увеличивался, а с неба на воду незаметным бархатом ложились отблески большой луны и редких звезд светлого летнего балтийского неба. Теперь уже все трое активно таскали рыбку, каждый на своём направлении, и скидывали всё на середину. Упитанные тушки ещё некоторое время плясали на дне лодки, ярко поблёскивая чешуёй в огоньках фонариков и отблесков ночного неба. Добыча, конечно, была не рекордной, но с достаточно увесистым мешком свежей рыбки было нестыдно возвращаться домой. Назад за весла сел Макс, он меньше всех поймал, зато был бодр и весел больше других, пустая фляжка больше не оттягивала его карман, зато желание поговорить не давало ему покоя:

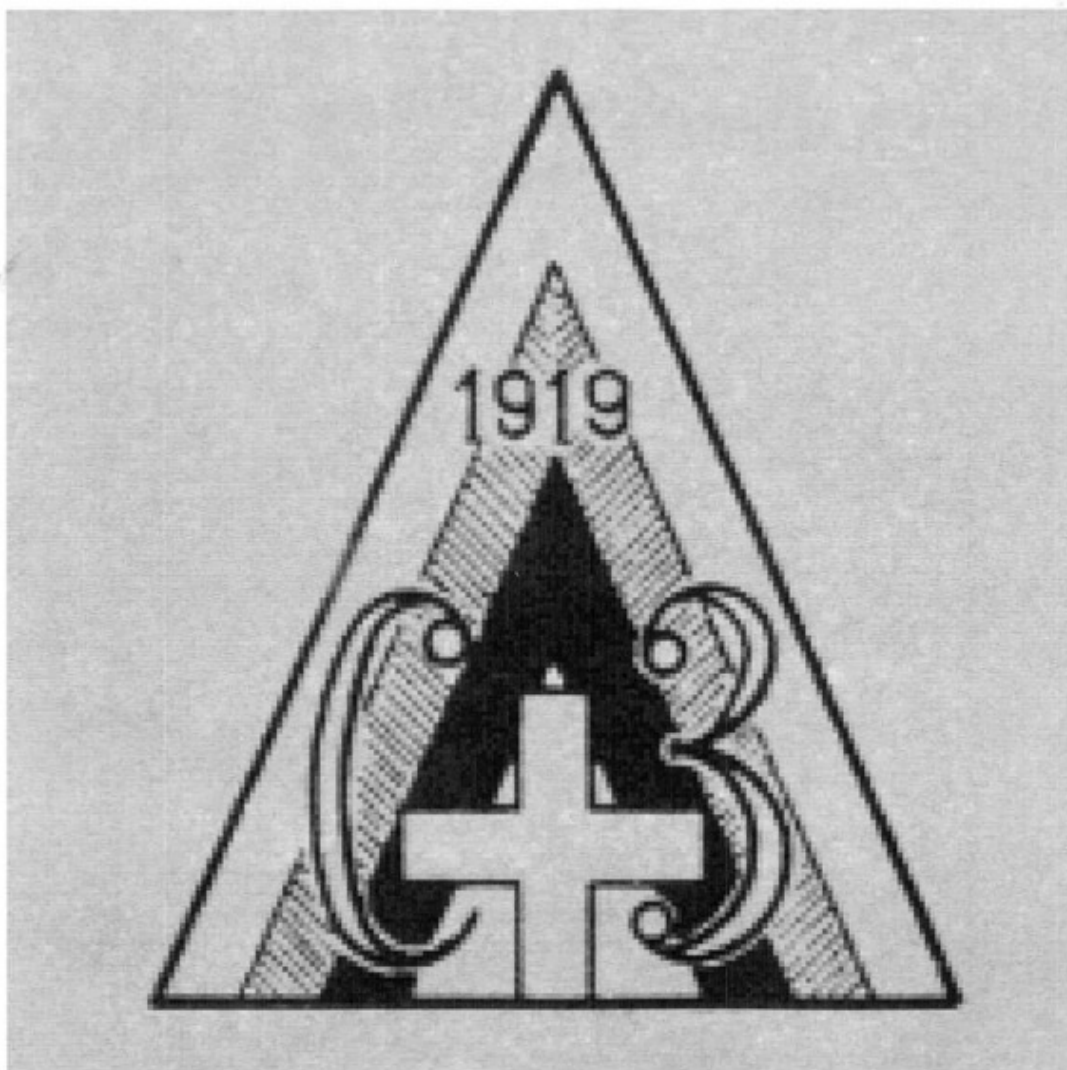
– Кстати, а как тут у вас с женщинами? Может, туда-сюда потанцуем или рандеву какое придумаем? Какая у нас будет культурно-развлекательная программа? – заводил он сам себя, вызывая у сонных товарищей улыбки.

– У нас, это ты про меня? – поинтересовался Алекс. – Я, как видишь, с женой, вот только тёща исключительно с детьми.

Макс не понял шутки и не унимался, но на него уже никто серьёзно не реагировал. Отвлекаясь, он загребал то левым, то правым веслом больше и никак не мог вести лодку прямо. В результате возвращались гораздо дольше, но уставшие друзья не спешили ему помогать, по дороге они неспешно складывали улов в пакеты. Описывая комичные зигзаги, компания, наконец, достигла берега. Нос лодки раскидал камыши и мягко ударился о грунт. Первый день на природе был слишком длинным, все очень устали. Судно с уловом казалось неподъемной ношей, но на берегу оставлять свой корабль Алекс никак не захотел. Потяжелевшую лодку с рыбой до домика тащили уже в полной тишине, пару раз даже останавливались отдохнуть, благо путь был недлинный. Глаза уже буквально слипались, пока разложили вещи и сложили весь улов в холодильник, специально привезённый для этих целей. Спать разбрелись также молча, только встречавший Ферри, крутясь в ногах, так и норовил кого-нибудь на себя опрокинуть. Он прекрасно выспался днём и теперь внимательно отслеживал каждый шаг на вверенном ему пространстве. Хотя обычно в столь поздний час уже давно посапывал бы в ногах у своей хозяйки. Только убедившись, что всё наконец стихло, пёс ловко юркнул в тёплую комнату со знакомыми приятными запахами, и его миссия теперь была полностью выполнена. Домик окончательно погрузился в царство сна.

- 5 -

Безмятежная мирная жизнь

А в июле 1919 здесь в Причудье так же, как и теперь, были тихие, светлые и тёплые ночи. И жизнь здесь также кипела обычными человеческими страстями. Люди, насмотревшиеся за последние годы на лишения и горе, спешили жить, влюблялись, строили планы на будущее. Так же ходили на рыбалку и искренне радовались каждой пойманной рыбке. Местные жители в этих краях всегда отличались душевностью. Пережив в былые времена неприятные прелести различных военных набегов, они здесь научились жить и ценить мелочи жизни. А земля Чудская долгое время вскармливала всех своих обитателей, даже в самые тяжелые годы. Тут и в озере рыбка, и в лесах полно зверья, грибов и ягод. В общем, край, в котором голодным не останешься.

Расквартированные как раз в этих самых местах расположения некогда Особого Псковского Добровольческого корпуса, который вырос до Северного корпуса, а в июле уже был переименован в Северо-Западную армию, постоянно разрастались новыми людьми. Люди приезжали сюда даже семьями, как осколки разбитой вазы, чтобы всем быть вместе, чтобы все вокруг видели, как их много. Присоединялись и целые воинские подразделения: Волынский, Талабский, Либавский, Ливенский и другие отряды. Всё здесь тогда веяло такой безмятежностью,

силой, надежностью, что люди верили в идею, в светлое будущее, верили своему новому командиру генералу Юденичу. Из Красной армии перешел отряд Булак-Балаховича, из Польши и Германии приходили эшелоны с людьми, которые хотели и готовы были поддержать идею возрождения своей страны, зреющую в голове Николая Николаевича. Возможно, даже сомневаясь в успехе и понимая утопичность предприятия по захвату власти в Петрограде, он не мог отступить и объявить всем этим людям, что они теперь лишние на этом свете, дороги назад у них не было. Если ружье висит на стене, то когда-то оно обязательно выстрелит, ведь для этого его и сделали. Так же и с воинским формированием. Если большое количество военных людей собралось вместе, то они должны либо воевать, либо расходиться по домам. Армии Юденича было некуда расформировываться, их, по большому счёту, не ждали ни в России, ни где бы то ни было ещё. Такая безысходность порождала совершенно особенный настрой в частях. Это огромное скопление народа, по-разному прибывшего к своему новому оплоту, не знало, как жить иначе, и было нацелено только на поход до победного конца. Большое воинское или иное подобное формирование – это грандиозное хозяйственное, в первую очередь, предприятие со всеми сопутствующими ежедневными проблемами. Всех нужно каждый день накормить, обути, одеть, вооружить и обучить, а ещё при необходимости вылечить. Внутреннюю дисциплину и самоконтроль в корпусе старались поддерживать на высочайшем уровне. Люди за идею и своего командира готовы были на всё, и от этого гарнизонная жизнь в Причудье носила особенно мирный, житейский и безмятежный характер, невзирая на постоянные стычки с Красными частями на восточном направлении. Все штабные, хозяйственные и другие подразделения разных отрядов этого растущего организма располагались в окрестностях Чудского озера. В разные века эти места служили форпостом Государства Российского. Когда-то тевтонцы и шведы также облюбовали эти места и надолго здесь задержались. Эта земля принимала всех.

Один из многих, в конце 1918 года вернувшийся с германского фронта, поручик Елизаров несколько лет не был дома. Он долгое время не видел родных и близких и теперь с надеждой смотрел на перспективу вернуться в ту Россию, которую он совсем ещё молодым и необстрелянным покидал почти сразу после военного училища. Ему повезло больше других. Он остался жив после нескольких лет германского фронта. После ранения и госпиталя смог вернуться домой в Петроград и даже отыскать среди всей неразберихи свою любимую Лизу с маленькой дочкой на руках, фотокарточку которой он все эти годы хранил в нагрудном кармане. Казалось, теперь-то всё будет хорошо, счастье близко, нужно только протянуть руку. Но быстро поняв, что вернулся совсем в другую, враждебную ему страну, в которой он в одночасье стал чужим, молодой офицер решил добраться с семьей и несколькими своими сослуживцами до Пскова, а дальше и до расположения Северо-Западной Армии, куда и поступил незамедлительно на службу. Идейный, с большим боевым опытом офицер – его здесь приняли с распростёртыми объятиями. Ему даже неважно было, где и как устроиться, главное, здесь были все свои, и все вместе они мечтали вернуться в свои дома, в ту страну, из которой они ушли на фронт и которой теперь уже больше не существовало. С гордостью поручик нашёл на рукав своего далеко не нового мундира нарукавный бело-сине-красный шеврон углом вверх с белым матерчатым крестом в основании – эмблему Северо-Западной Армии. Лиза не осталась в стороне и также устроилась на службу при госпитале, стала получать паёк и довольствие. Для дворянки это было ничтожно мало, но для осиротевшей молодой девушки, жены офицера, которая уже третий год с ребёнком на руках вынуждена была как-то выживать, это казалось раем. Шло время, и вскоре Лиза осчастливила мужа новостью о том, что у них скоро будет ещё один ребёнок. И это было типично для огромного конгломерата людей, собравшихся под идеей СЗА. Здесь в Причудье не было такой политизированности и людской озлобленности, которую можно было увидеть в Петрограде, Ревеле или других больших городах. Провинциальный уклад жизни, во многих местах староверское воспитание, домовитость местного насе-

ления – всё это создавало иллюзию тёплого уголка той старой большой страны, которая ещё совсем недавно была их общим домом и одной из самых могущественных империй на карте мира. Людям казалось, что все беды закончились с окончанием Первой Мировой, и уж теперь-то, конечно, можно будет навести порядок и наладить мирную жизнь в своем доме. Какая-то неразбериха во власти и конвульсии политической жизни казались мелочью в сравнении с большой войной, которую они пережили. Что на самом деле творилось на территории некогда могущественной и необъятной России, теперь большинство из них представляло себе довольно туманно. На самом деле всё было так зыбко, что вряд ли нашлось бы много людей, которые в то время могли определенно заявить об устройстве и перспективе развития событий. Многие верили, что так или иначе, но скоро всё закончится миром. Этим и жили. Ходили в офицерские клубы, на прогулки с барышнями, всеми силами пытались создать хоть и эфемерное, но подобие той мирной жизни, которой жила их страна до выстрела в Сараево, после которого мир безвозвратно изменился и изменил их судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.